

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

Чехов и Горький

Какие это были разные люди! Если даже не касаться вопроса о творческих особенностях Чехова и Горького, до чего различны они в манере жизни, в настроениях, в отношении к миру, в характере, во всем, даже во внешности, редко-редко обманывающей!

Толстой когда-то сказал о Чехове, глядя с террасы, как тот идет по дорожке сада с Александрой Львовной:

— Ах, какой милый человек! Скромный, тихий, точно барышня. И ходит, как барышня. Просто чудесный...

Горького с «барышней» никто бы, вероятно, не сравнил. Сам Чехов, желая однажды сделать ему комплимент, изменил на мгновение своему стилю, сказав, что это «большущий писателище». До известной степени, в словах этих дано не только внешнее определение; дана и внутренняя характеристика. «Большущим», кстати, называл себя и Маяковский, в русской литературе были поэты гораздо больше его, — к ним, однако, слово это не подходит.

Недавно в Москве вышел интереснейший сборник, исчерпывающий взаимоотношения Чехова и Горького, сборник, куда вошла не только их переписка, но и все то, что они когда-либо и где-либо друг о друге говорили. Новых документов в книге немного. Но впервые собраны вместе отдельные фразы, короткие, случайные замечания, разрозненные мысли, впервые все это сцеплено и сопоставлено. Для того, кто хотел бы Чехова и Горького понять, — да и не только

их, а всю ту литературную эпоху, — такой сборник настоящий клад. Имена не совсем равноценны, конечно. Но они постоянно ставились рядом, ставятся рядом и по сей час, скорее всего по воспоминаниям о далеких годах, когда оба соперничали в славе, оба были всероссийскими читательскими любимцами, когда посетители театра Станиславского обливались одинаково обильными, одинаково сладкими слезами, слушая и «Трех сестер», и «На дне»... Успех Чехова с тех пор расширился, а в особенности углубился. ореол Горького чуть-чуть поблек, независимо даже от оценки его деятельности в последнее десятилетие. Об этом не раз открыто писали и в России, пока преклонение перед Горьким не превратилось в общеобязательный параграф государственного символа веры. (Вспомним хотя бы, «Гамбургский счет» Виктора Шкловского). Но, все-таки, Чехов и Горький остались «парой», одной из тех пар, к составлению которых склонно наше воображение: Корнель и Расин, Вольтер и Руссо, Шиллер и Гете, Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский.

Горький написал Чехову первый, в 1898 году, узнав, что тот выразил желание иметь его, Горького, книжки:

«Посылаю и пользуюсь случаем, хочу что-то написать вам, Антон Павлович! Собственно говоря, я хотел бы объяснить вам в искреннейшей, горячей любви, кому безответно питаю к вам со времени молодых ногтев моих, я хотел

бы выразить мой восторг перед удивительным талантом вашим, тоскливым и за душу хватающим, трагическим и нежным, всегда таким красивым, тонким! Эх, чорт возьми, — жму вашу руку, руку художника и сердечного грустного человека, должно быть, — да? Дай Боже жизни вам во славу русской литературы, дай Боже вам здоровья и терпения, бодрости духа, дай вам Боже... Еще раз жму руку вашу. Ваш талант — дух чистый и ясный, но опутанный узами земли, подлыми узами будничной жизни, и потому он тоскует. Пусть его рыдает зов к небу и в рыданиях ясно слышен!».

Трудно делать догадки, да и не стоит этим заниматься, раз ответ получить невозможно. Но само собой возникает сомнение: не покорило ли, хотя бы чуть-чуть, Чехова это письмо, в котором восхищение как-то слишком декламационно, слишком самодовольно выражено? От Чехова, во всяком случае, ответ пришел сдержанный: «Очень рад нашему знакомству, очень благодарен, желаю всего хорошего»...

Горький написал слова, с тем, что-бы передать свое впечатление от «Дяди Вани», а задано и спросить мнение о своих рассказах. «Не обижайтесь на меня. Я человек очень нежный и грубый, а душа у меня неизлечимо больна. Как, прочем, и следует быть душе человека думающего». Чехов вспомнил его желание. «Вы спрашиваете, какого я мнения о ваших рассказах? Талант несомненный, и притом настоящий большой талант. Вы ху-

дожник, уминый человек. Вы чувствуете превосходно, вы пластичны, то-есть, когда изображаете вещь, то видите ее и ощущаете руками. Это настоящее искусство... Говорить теперь в недостатках? Но это не так легко. Начну с того, что у вас, по моему мнению, нет сдержанности. Вы, как зритель в театре, который мешает слушать себе и другим. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми вы перерываете диалоги. Частые упоминания о неге, шопоте, бархатности и прочем, придают этим описаниям риторику, однообразие, и расхолаживают, почти утомляют. Несдержанность чувствуется в изображениях женщин и любовных сцен. Это не размах, не широта кисти, а именно несдержанность. Сколько вам лет? Я вас не знаю, не знаю, откуда и кто вы, но, мне кажется, вам следовало потратить около литературы и литературных людей».

Приблизительно в то же время, — несколькими месяцами позже, — Чехов писал Л. Авилловой: «Нравится ли вам Горький? По моему, настоящий талант, кисти и краски у него настоящие... Горький мне нравится, но последнее время он стал писать чепуху, чепуху возмутительную, так, что я скоро брошу его читать».

Встретились оба писателя в Ялте. Горький был этой встрече «рад, страшно рад». «Вы, кажется, первый свободный и ничему не поклоняющийся человек, которого я видел. Как это хорошо, что вы умеете считать литературу первым и главным делом жизни!». Чехов общал той же Авилловой: «В Ялте Горький. По внешности, это — босак, но внутри довольно изящный человек, и я

очень рад. Хочу знакомить его с женщинами, находя это полезным для него, но он топчется».

Несомненно, оба писателя понравились друг другу. Надо вообще отметить, — и отметить с удовлетворением, как своего рода урок, — что никакими «задними мыслями» их литературное приятие не было, когда омрачено не было, что оба неизменно отзывались друг о друге хорошо, без зависти, без сплетен и лукавства. Чехов был на восемь лет старше. У него было гораздо острее чувство юмора, и, конечно, он был умнее Горького. Ему случалось посмеиваться над ним. «Алексей Максимович не изменился, все такой же порядочный и интеллигентный, и добрый. Одно только в нем, или, вернее, на нем нескладно: это — его рубашка. Не могу к ней привыкнуть, как к камергерскому мундиру». (Письмо к О. Л. Книппер). Он ясно видел и пороки Горького, как художника. «Трое» Горького мне чрезвычайно понравились по тому письму. Девки не верны, таких нет, и разговоров таких никогда не бывает, но все же приятно читать. Напрасно только Горький с таким серьезным лицом творит (не пишет, а именно творит); надо бы полегче, немножко бы свысока».

Но то же самое Чехов говорил Горькому и в глаза: в двучелюстности упрекнуть его невозможно.

Оба высоко цтили Толстого, и обращались к нему, как к верховному судье. Однако, и тут сразу обнаруживается различие натур. Если Толстой называл Чехова «барышней», то оттого, повидимому, что тот в его присутствии робел.

Рассказ Горького: «Толстой говорил: я старик, и, может, те

перешнюю литературу уже не могу понять! Но мне кажется, что она не русская. Стали писать какие-то особенные стихи, я не знаю, почему это стихи, и для кого. Вот вы, — он обратился к Чехову, — вы русский. Да, очень, очень русский!... И, ласково улыбаясь, он обнял Антона Павловича за плечо. Тот сконфузился, начал баском говорить что-то о своей даче, о татарях».

Чехов отмечал, как событие, каждую свою встречу с Толстым, каждый минутный разговор с ним «в телефоне» (не по телефону, как сказали бы мы теперь), старался запомнить каждое его замечание, и однажды воскликнул:

— Вот, за Гете каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе! Это нестерпимо по-русски. После схватить за ум, начнут писать воспоминания, и — наврут!

Впервые поговорив с Толстым о Горьком, Чехов сообщает: «Он очень хвалил вас. Сказал, что вы замечательный писатель. Ему нравится ваша «Ярмарка» и «В степи», и не нравится «Мадья». Он сказал: «Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал». Вот вам! Я сказал, что когда вы будете в Москве, то мы вместе приедем к Л. Н.». Горький был, разумеется, очень польщен: «Хорошо вы сделали, что поговорили с ним о Горьком, — и сказали это Горькому. Давно хотел я знать, как смотрит на меня Толстой, и боялся знать это; теперь узнал, и проглотил еще каплю меда. В бочку дегтя, выпитого мною, таких капель попало только две: его да ваша. Больше и не надо мне».

Но чеховской скромности, чеховской готовности «распластаться» перед Толстым, сомнения своего ничтожества перед ним, не было у него и в помине. «В сущности — ужасно глупо называть человека гением. Совершенно непонятно, что такое гений! Гораздо проще и яснее говорит: Лев Толстой: это и кратко, и совершенно оригинально! Видеть Льва Николаевича очень важно и полезно, хотя я отнюдь не считаю его чудом природы. Смотришь на него, и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком»... Горький признавался Чехову, что Толстой при первой встрече напоминал ему Чудака-Суворова. «А когда он начал говорить, я слушал и изумлялся! Все, что он говорил, было удивительно просто, глубоко, и, хотя иногда совер-

шенно неверно, по моему, — ужасно хорошо. Главное же — просто очень! В конце он все-таки целый оркестр, но в нем не все трубы играют согласнo».

Не раз Горький удивлял Чехова своими «нелепостями». В 1899 г., в первый его приезд в Петербург, произошел эпизод, о котором впоследствии рассказывал В. А. Поссе: «Что бы ввести Горького в петербургский литературный мир, задумал я устроить банкет в редакции «Жизни». Банкет прошел оживленно, но не без неловкости. В ответ на приветственные речи, в которых отмечался крупный талант Горького, он заявил, что успех его объясняется тем, что на безрыбьи и рак рыба, на безлюдьи и Фома дворянин. А перед ним сидел весь цвет русской

литературы с Владимиром Галактионовичем Короленко во главе!».

Чехов пожимал плечами. Но для него Горький был человеком «добрейшим, мягким, деликатнейшим», и он ему почти все готов был простить, хотя неизменно делал оговорки в своих суждениях о нем, как о художнике. (За три месяца до смерти: «Читал горьковского «Человека», очень напоминающего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом на «о»...).

Чтение сборника многих, вероятно, еще раз наведет на мысль о личности Максима Горького, на эту своеобразную и глущую «проблему», в попытках решить которую сталкиваются мнения резко противоположные. Чехов, в сущности, — вне споров, чего о Горьком сказать никак нельзя. Горького в последние годы часто судили, и часто осуждали, не только за дела, но и за намерения. Свидетельство Чехова, каким бы давним оно ни было, имеет все-таки очень большую ценность: уж кто-кто, а он, при всем своем благодушии, в людях разбирался! Ни одного дурного слова он о Горьком не сказал, ни одной дурной черты в нем не нашел. Да и независимо от чеховских отзывов, общее впечатление от горьковских писем и всех тех мелких замечаний, которыми наполнена книга, таково, что принадлежат они человеку, может быть, и не складному, любящему покрасоваться, знающему себе цену, «неизлечимо больному», как он сам себя определил, человеку, лишенному того прирожденного чутья к фальши, которое отличало Чехова или Толстого, но духовно серьезному и независимому. Ему сам Толстой написал:

«Мне ваше писание понравилось, а вас я нашел лучше вашего писания», и едва ли написал необдуманно.

Мне хочется, в заключение, отметить отношение Горького к Бунину. До самых последних лет жизни он неизменно выделял его из всех современных русских писателей, прибавляя правду, в назидание своим ученикам, что «боятся идеологической заразы, значит — не верить в силу классового самознания».

«Очень рекомендую вниманию вашему Чехова и Бунина. Оба с изумительной силой чувствовали значение обыденного и прекрасно изображали его» (1913 год). «Говорите кратко, просто, как Чехов или Бунин» (1913). «Читайте больше, читайте таких мастеров словесного искусства, каковы Пушкин, Гоголь, Толстой, Лесков, Чехов, Бунин» (1927 год). «В крупных художниках реализм и романтизм всегда соединены. Тургенев писал вещи в романтическом духе, так же, как и все другие крупнейшие наши писатели, от Гоголя, до Чехова и Бунина» (1928). «Читайте Бунина...» (1932).

Что же, хороший вкус! — скажут некоторые. Нет, не только хороший вкус. В тех обстоятельствах, при которых все это написано, — признай беспристрастия и даже благородства.

Георгий Адамович.